

seemingly naive monarchism of the head of the Moscow security department, as shown in the article, his views can hardly be reduced solely to the support of the monarch. Zubatov's statements about the equality of all classes before the king, although formally correct, if we talk about the Emperor as the anointed of God, however, can claim a kind of democratism, in the words of Zubatov himself, «monarchical constitutionalism», which couldn't help but seem dangerous to conservative circles in the pre-revolutionary and revolutionary times. The article also discusses the internal contradictions that can be found in Zubatov's letters to V. L. Burtsev, which allows to raise the question of the degree of confidence in this source of personal origin. Thus, it is necessary to find additional sources to clarify S. V. Zubatov's ideas about the monarchy.

Keywords: legalization, political investigation, monarchism, liberals, parliament, organizations of mutual aid, Charter of the craft industry, industrialists, workers.

Список источников и литературы

- ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 1; Оп. 23. Д. 32.
ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. Л. Б.
ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 748.
ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 31.
Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928.
Медведев С. В. Эксперимент Зубатова. М., 2018.
Овченко Ю. Ф. Охранка и зубатовщина. М., 2017.
Письма С. В. Зубатова в редакцию журнала «Гражданин» // Гражданин. СПб., 1906. № 3, 19, 82, 87; 1907. № 61–62, 69–70.
Шеголев П. Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

*Мелентьев Федор Ильич,
канд. ист. наук,
гл. специалист отдела научно-информационной
и справочной работы
Государственного архива Российской Федерации
fm91@mail.ru*

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В ВОСПРИЯТИИ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ НИКОЛАЯ И АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧЕЙ

Ф. И. Мелентьев

Статья посвящена изучению представлений старших сыновей Александра II о православном духовенстве эпохи Великих реформ. Великие князья Николай и Александр Александровичи в 1855–1865 и 1865–1881 гг. соответственно были наследниками престола, поэтому формирование их взглядов на будущих подданных было особо значимо. Источниковая база статьи представлена письмами и дневниками великих князей, в основном написанными во время их путешествий по стране в 1861, 1863 и 1866 гг., когда новые впечатления сами просились на бумагу, а разлука с родственниками становилась поводом для переписки. В отличие от благостных официозных описаний августейших путешествий материалы личного происхождения позволяют рассмотреть собственные чувства наследников престола. В статье дана краткая характеристика формирования религиозности у молодых великих князей и выявлено влияние на этот процесс Николая I и императрицы Марии Александровны. Великие князья встречались с высшим духовенством, в частности со святейшими Филаретом (Дроздовым) и Игнатием (Брянчаниновым); в целом их отношение к архиереям было почтительным. На трудное положение приходских клириков внимание цесаревичей обращал К. П. Победоносцев, но его бывшие ученики все же слабо представляли проблемы белого духовенства. Наиболее сложным было отношение великих князей к монахам, невнимательным к памятникам церковной старины. Тем не менее к женскому монашеству великие князья Николай и Александр Александровичи питали специфический интерес. Противоречивое отношение наследников престола к православному духовенству позволяет делать выводы об их благочестии и религиозности.

Ключевые слова: святитель Филарет (Дроздов), святитель Игнатий (Брянчанинов), Александр III, цесаревич Николай Александрович (1843–1865), К. П. Победоносцев, игуменья Мария (Давыдова).

Хотя церковно-государственные взаимоотношения в Российской империи давно привлекают внимание исследователей, изучение религиозных взглядов членов императорской фамилии и восприятия ими Русской Церкви еще только начинается. Учитывая, что значение церковных вопросов существенно возросло в эпоху Великих реформ¹ (совпавшую с периодом религиозного кризиса русского общества)², особого исследовательского внимания заслуживает восприятие православного духовенства старшими сыновьями Александра II – великими князьями Николаем Александровичем (1843–1865) и Александром Александровичем (1845–1894). Излишне упоминать, что в условиях самодержавной монархии формирование взглядов молодых великих князей было предметом особой важности. Поэтому неслучайны слова святителя Игнатия (Брянчанинова) из письма к архиепископу Ярославскому и Ростовскому Нилу (Исаковичу) 7 августа 1863 г. по поводу встреч обоих иерархов с цесаревичем Николаем Александровичем: «Особенно полезно предназначенному русскому царю видеть близко положение всех сословий. Духовенство наиболее нуждается в этом, потому что прежде оно наиболее было устранено от царских взоров»³. Какими же были представления наследников царя-освободителя о русском духовенстве?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует кратко осветить процесс формирования религиозности у молодых великих князей. На их отношение к религии повлияло несколько людей. В первую очередь необходимо назвать Николая I⁴, который обращал преимущественное внимание не на внутреннюю духовную работу внуков, а на внешние проявления благочестия. Так, в 1852 г. император сказал воспитателю великих князей Николаю и Александра Александровичей генерал-майору Н. В. Зиновьеву, что его подопечные стоят

¹ См., например: Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.

² Ореханов Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников. М., 2010. С. 27–71.

³ Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание писем: в 3 т. М., 2011. Т. 1. С. 56.

⁴ См. о нем: Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин // Церковь и время. 2010. № 3. С. 151–192.

«за обедней очень хорошо, но что плечи держат неправильно и каблуки не вместе»¹. Примерно в то же время А. Ф. Тютчева удивлялась, что вел. кн. Алексей Александрович, «которому еще не было трех лет», вместе с братьями «стоял молча и неподвижно, как и остальные, в продолжение всей длинной службы»². Как вспоминала о собственном религиозном воспитании дочь Николая I, вел. кн. Ольга Николаевна, «нас водили в церковь, где мы должны были прямо и неподвижно стоять, без того чтобы уметь вникать в богослужения. Чтобы не соскучиться, я повторяла про себя выученные стихотворения»³. По воспоминаниям баронессы М. П. Фредерикс, Николай I «очень строго следил за стоянием своих детей в церкви; малолетние были все выровнены перед ним и не смели шевелиться»⁴.

На эмоциональную сторону религиозного опыта молодым великим князьям, как представляется, указывала их мать, императрица Мария Александровна, перешедшая в православие из протестантизма. Вел. кн. Владимир Александрович в письме к матери 24 июня 1866 г. вспоминал ее слова, сказанные после смерти цесаревича Николая Александровича: «Знай, что я готова перенести еще такой удар, нежели видеть твою душу погибшею»⁵. «Мама постоянно нами занималась, – писал Александр III императрице Марии Федоровне 22 мая 1884 г., – приготавливала к исповеди и говенью; своим примером и глубоко христианской верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мама мы, все братья и Мари, сделались и остались истинными христианами и полюбили веру и церковь»⁶.

Цесаревич Николай Александрович также проникся близостью к материнской модели религиозности. По свидетельству входившего в ближайшее окружение старших сыновей Александра II

¹ Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М., 2002. С. 73.

² Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров: Дневник. М., 2016. С. 49.

³ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 202.

⁴ Фредерикс М. П. Из воспоминаний // Николай I: Портрет на фоне империи. М., 2011. С. 57.

⁵ ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 36. Л. 96.

⁶ Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М., 2007. С. 102.

кн. В. П. Мещерского, наследнику были «сильно не по сердцу люди религиозные по привычке, т. е. без убеждения»¹. О личной религиозности цесаревича позволяют судить его заметки, сделанные в 1858 г. в записной книжке. Так, наследнику не нравилось «большое пренебрежение молитвы» состоявшими при нем лицами. Цесаревич считал важными «время, тишину, размышление, приготовление», тогда как совместная молитва с братьями происходила иначе: «Шумят, торопятся и, что всего хуже, хотят скорее другого кончить. Этому способствует правило, что кто первый готов, тот первый молится»². Следил за совместной молитвой помощник Зиновьева — полковник Н. Г. Казнаков.

Вел. кн. Александра Александровича религиозное настроение охватывало, как правило, во время подготовки к причащению, происходившей примерно раз в год, обычно Великим постом. Впрочем, поначалу великий князь, «как всегда», не чувствовал «никакого расположения говеть», но потом «желание приходит, и хотя говеешь далеко не так, как должно, но все-таки иногда и серьезно подумаешь об этом важном долге всякого порядочного христианина», — признавался он в письме к старшему брату 13 февраля 1865 г. Александр Александрович просил цесаревича: «Вспомни обо мне, когда будут петь “Ныне силы небесныя с нами невидимо служат”. Когда это поют, я готов плакать как ребенок, так на меня действует этот напев. Когда слышишь эту песню, невозможно, чтобы не пришло желание достойно причаститься»³.

Между тем, уже став наследником, вел. кн. Александр Александрович, по-видимому, позволял себе необдуманные высказывания о церковных обрядах. «Но не правда ли, — обращался к нему кн. Мещерский 11 июля 1865 г., — Вы отныне и до века не будете никогда в обществе и вообще при посторонних лицах осуждать обряды нашей Церкви, какие бы то ни были, а еще менее смеяться над ними!» Через восемь дней кн. Мещерский еще раз укоризненно напомнил цесаревичу: «Религия была не столько Вашим убеждением, не столь-

ко Вашею потребностью, а принужденным исполнением обрядов, к[ото]рых таинственная польза была Вами не сознаваема»¹.

Религиозные взгляды наследников престола, безусловно, сказывались на восприятии ими духовенства и церковных церемоний. При посещении августейшими особами того или иного города непременно участниками встречи были священнослужители, ожидавшие путешественников с крестом и святой водой и готовые отслужить краткое молебствие. Неслучайно в 1863 г. Александр II переписал для старшего сына наставление Николая I перед путешествием по стране, а в 1866 г. передал этот же текст вел. кн. Александру Александровичу: «С духовенством соблюдай учтивость и должное уважение; где же случится посещать предметы богомолия, исполняй все обряды с подобающим уважением к святыне»².

В воскресные, праздничные и памятные дни путешествовавшие по стране наследники престола посещали православное богослужение. Отступление от этого правила жестко пресекалось, причем ответственность лежала не на сопровождавших великого князя лицах, а на самом цесаревиче. «Вы выехали в воскресенье 16-го из *Петрозав[одска]*, не побывав на обедне, — писала императрица Мария Александровна старшему сыну 20 июня 1863 г., — я не знаю, говорит ли тебе об этом Папа, он был потрясен этим». Императрица напоминала вел. кн. Николаю Александровичу, что никто из членов императорской фамилии во время путешествий по России не пренебрегал посещением служб, и объясняла причину этого. «Какой пример дадим мы, которых Церковь называет *Благочестивые* и *Благоверные*, — задавала она риторический вопрос сыну. — Всякое другое соображение уступает перед этим». Цесаревич особенно огорчил мать, так как «совершенно забыл, что это годовщина смерти Лины» — его старшей сестры вел. кн. Александры Александровны (1842—1849). Однако если память об этой дате была частным делом членов императорской семьи, то посещение воскресной службы, по мнению императрицы Марии Александровны, есть «долг, от которого ничто не должно заставлять уклоняться»³. «Я вполне виноват, и отговариваться было бы глупо и неуместно, — отвечал цесаревич

¹ Освящение часовни в Ницце в память покойного цесаревича Николая Александровича и воспоминание о нем. СПб., 1868. С. 13. Подробнее об авторстве этой неподписанной брошюры см.: Мелентьев Ф. И. Рукописные мемуары князя В. П. Мещерского о цесаревиче Николае Александровиче (1843—1865): очерк или воспоминания? // Карамзинские чтения. СПб., 2018. Вып. 2. С. 164—165.

² ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 6 а. Л. 19 об. — 20.

³ Там же. Д. 23. Л. 8—8 об.

¹ Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868. М., 2011. С. 131, 135.

² ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 41.

³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 57 об. — 58 об. В подлиннике по-французски. Выделенные курсивом слова написаны по-русски.

Николай Александрович 23 июня. — По крайней мере, верь, милая Мама, что этот заслуженный урок не пройдет даром»¹. Смущенный упреками, наследник не считал нужным объяснять, что скорый отъезд был связан в том числе и с его недомоганиями, симптомы которых он описывал в дневнике².

Знакомство наследников престола с высшим духовенством, как правило, происходило во время богослужений и на трапезах. В некоторых случаях великие князья посещали иерархов в архиерейских покоях. В первую очередь такое внимание оказывалось святителю Филарету (Дроздову), митрополиту Московскому. «Я поехал с визитами... к митрополиту Филарету», — писал вел. кн. Александр Александрович 20 августа 1861 г. о своем пребывании в Москве. На следующий день иерарх сделал ответное посещение: «...в 11 часов у нас был митрополит Филарет, который подарил нам образа. Он довольно долго у нас оставался и очень интересно рассказывал о разных вещах»³. Фактически митрополит вел с молодым великим князем светскую беседу, чем и заинтересовал его. Вероятно, такой же характер имели встречи святителя с цесаревичем. Николай Александрович со своим попечителем гр. С. Г. Строгановым «поехали к преосвященному Филарету, у которого оставались довольно долго», — сообщал императору состоявший при наследнике полковник О. Б. Рихтер 7 августа 1861 г.⁴ Встретившись 18 октября 1863 г. в митрополичьих покоях Троице-Сергиевой лавры с 81-летним святителем, «который слишком слаб, чтобы выходить», цесаревич Николай Александрович записал в дневнике: «Нашел его очень опустившимся, говорящим с трудом»⁵. Тем не менее митрополит пережил старшего сына Александра II и утешал августейшую чету после его смерти в апреле 1865 г.⁶

Кончину московского святителя особо отметил в дневнике цесаревич Александр Александрович. «Сегодня пришло известие о смерти почтенного и доблестного старца московского митрополита

Филарета», — писал наследник 19 ноября 1867 г.¹ Можно предположить, что такие эпитеты в некоторой степени были навеяны наследнику чтением «Московских ведомостей» (которые тепло откликнулись на 50-летие архиерейского служения митрополита Филарета, отмечавшееся незадолго до смерти святителя)², а также религиозно настроенным москвичом К.П. Победоносцевым, входившим в ближайшее окружение цесаревича Александра Александровича. 24 ноября Константин Петрович предлагал наследнику вместе отправиться на похороны митрополита в Москву³, но Александр II не дал разрешения на эту поездку⁴.

Еще одним архиереем, который произвел на старших сыновей Александра II большое впечатление, был святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский, живший в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. «Настоятелем этого монастыря, — писал цесаревич Николай Александрович в дневнике 29 июня 1863 г., — преосвященный Игнатий Брянчанинов, который удален здесь на покой, как бывший епископ (Ставропольский). Монастырем же, в сущности, правит игумен. Игнатий уже не молод и постоянно болен, однако служил сам, принужденно, но эффектно, благодаря величественной фигуре. После обедни он угостил нас завтраком в своей келье и был очень любезен. С ним живет его брат, бывший ставропольский губернатор. Игнатий проводил нас до самой пристани»⁵.

Манера епископа вести службу бросилась в глаза не только цесаревичу, но и его спутникам. Преподававший наследнику статистику профессор И. К. Бабст, памятуя о направленной против святителя заметке А. И. Герцена 1859 г. «Во Христе сапер Игнатий»⁶, писал в дневнике 29 июня: «Игнатий (что во Христе сапер) и брат его Брянчанинов. Аффектация в служении Игнатия»⁷. Профессор живописи А. П. Боголюбов не без сарказма вспоминал, что епископ Игнатий

¹ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 139.

²Катков М. Н. Государственное значение митрополита Филарета // Собр. соч.: в 6 т. СПб., 2011. Т. 2. С. 694–696.

³Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 5–6.

⁴Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881 // К. П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 8–9, 12.

⁵ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 26 об. — 27.

⁶Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1958. Т. 14. С. 140–142.

⁷Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

¹ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 84.

²ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 9–9 об.

³«Мы сейчас же поехали к Иверской Божией Матери». Записки великого князя Александра Александровича // Источник. 1996. № 3. С. 6.

⁴ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 986. Л. 13.

⁵ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 42 об.

⁶Святитель Филарет (Дроздов): Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 766–767.

«и здесь от старого фигуранства своего не отстал. Служил он также манерно, с поднятием в небеса очей своих и аффектацией в голосе». «После служения перешли в его покои, вида самого скромного, — писал Боголюбов, — но везде была видна чистота и опрятность тонкого светского человека. Стол отличался тоже тонкостью и изяществом, да и обхождение его было все-таки достойное и вполне свойственное его сану, уму и воспитанию»¹.

Великий князь был склонен вести с архиереем светскую беседу. Как следует из письма П. А. Брянчанинова к бывшему кавказскому наместнику Н. Н. Муравьеву-Карскому от 2 сентября 1863 г., цесаревич Николай Александрович «удивлялся, что он прежде никогда не видывал пр[еосвященно]го, хотя тот постоянно жил около Петербурга»², будучи в 1834–1857 гг. настоятелем Троице-Сергиевой пустыни. В итоге епископ остался доволен встречей. «По благодати Божией государю цесаревичу посещение им Бабаевского монастыря было приятно, — писал святитель архиепископу Нилу (Исаковичу) 7 августа. — В то время, как и всегда, я был очень слаб и сомневался, чтоб прием удался. Он удался по милости Божией»³.

В 1866 г. святителя Игнатия посетил цесаревич Александр Александрович. «Пришли к Бабаевскому монастырю, — писал наследник в дневнике 14 августа, — и, выйдя на пристань, поехали в колясках в собор. Встретил нас сам настоятель Брячанинов (так в тексте. — Ф. М.). После краткого молебна пошли к настоятелю монастыря в комнаты. Там позавтракали, и весьма недурно. Потом простились и поехали на пар[оход]»⁴. Посещение архиерея напоминало светский визит, причем если в 1863 г. Николо-Бабаевский монастырь не был обозначен в маршруте цесаревича Николая Александровича⁵, то через три года его брат посетил епископа Игнатия (Брянчанинова) уже «по традиции», подсказанной, вероятно, Победоносцевым.

Во время таких визитов цесаревич Александр Александрович надеялся на обходительность со стороны высшего духовенства (являвшуюся на самом деле элементом светского этикета, к которому

привык великий князь). «Поехали к арх[иепископу] Нилу в его монастырь, — писал наследник в дневнике о ярославском преосвященном 13 августа 1866 г., — были в соборе, а потом у него в комнатах. Он угостил нас чаем и шампанским. Видели разные древние вещи. Человек он умный, но несимпатичный; довольно грубоват, и манеры не духовного лица»¹. Вероятно, цесаревич Александр Александрович ожидал от архиерея умения поддержать светскую беседу и был удивлен, что тот не владел этим искусством.

Характеристичный случай произошел в 1863 г. с участием архиепископа Нила (Исаковича) и цесаревича Николая Александровича. 28 июня в беседе с наследником настоятель ярославской церкви Иоанна Предтечи в Толчке протоиерей Василий Смарагдов высказал опасение, что изразцовый декор храма будет покрашен по приказу архиепископа, дабы эта церковь «не привлекала стольких посетителей и не вызывала этим зависти других причтов и нерасположения преосвященного Нила». Вел. кн. Николай Александрович отправился к архиепископу и сказал: «Я приехал к вам только с тем, чтобы передать, в каком я восторге от ваших старинных церквей. Понимаю, как вы должны быть счастливы оберегать эти памятники нашей старины и как вы гордитесь ими»². Это, по воспоминаниям Ф. А. Оома, секретаря цесаревича, позволило спасти храм. И хотя в достаточно подробном путевом журнале О. Б. Рихтера об этой встрече наследника с архиереем не упомянуто³, тем не менее сохранились сведения, что вел. кн. Николай Александрович действительно «изъявил желание», дабы «наружный вид стен храма был охранен от всяких изменений»⁴. Эти сведения подтверждаются письмом епископа Игнатия (Брянчанинова) к архиепископу Нилу (Исаковичу) 7 августа 1863 г., в котором святитель писал, явно имея перед собой письмо своего адресата: «Весьма утешительно сообщаемое вашим высокопреосвященством известие о том внимании, которое явил государь цесаревич духовенству и Церкви. Храм святого Иоанна Предтечи особенно привлек его внимание»⁵.

¹ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. С. 185. Подробнее о нем см.: Карпук Д. А. Архиепископ Нил (Исакович) (1799–1874): геолог, минералог, палеонтолог и богослов. СПб., 2016.

²Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896. С. 63.

³ГА РФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 28 об.

⁴[Успенский Ф., прот.] Предтечевская церковь в Ярославле. Ярославль, 1881. С. 44.

⁵Игнатий (Брянчанинов), свт. Полн. собр. писем. Т. 1. С. 55–56.

¹Боголюбов А. П. Записки моряка-художника. Самара, 2006. С. 134.

²Игнатий (Брянчанинов), свт. Будущее России в руках Божественного Промысла: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1998. С. 136–137.

³Игнатий (Брянчанинов), свт. Полн. собр. писем. Т. 1. С. 55.

⁴ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. С. 187.

⁵Маршрут путешествия государя наследника цесаревича в 1863 году. [СПб., 1863]. С. 4.

Объяснить великим князьям положение приходских клириков взялся Победоносцев, который пытался опровергать негативные стереотипы о духовенстве. «Осуждение, с которым так часто, особенно в последнее время, обращаются у нас к этому сословию, оказывается слепым и несправедливым, — утверждал он. — Слабости, недостатки, примеры падения выставить нетрудно — они сами собой бросаются в глаза, и их выискивает жадно проснувшаяся гласность. А добрые дела и подвиги, которые в то же время совершаются в глуши, куда не достигает никакая гласность, гораздо труднее узнать и обнаружить»¹. При этом в начале 1860-х гг. Победоносцев выступал не против гласности как таковой, а лишь порицал ее негативные проявления, ставшие очевидными после публикации книги священника Иоанна Беллюстина «Описание сельского духовенства» в 1858 г. Эта книга потрясла современников, перед которыми открылась неприглядная картина униженного положения приходских клириков.

Бедность духовного сословия цесаревич Николай Александрович наглядно увидел, побывав 27 июня 1863 г. в ярославской духовной семинарии. «Мы отправились с Нилом в семинарию, — писал наследник в дневнике, — где мы слушали 3 лекции. Проф[ессор] *Бенедиктов* читал о церковном красноречии, *Ширяев* из истории Церкви и *Орлов* из психологии. Все три читали очень недурно, что не мешало Нилу все время вмешиваться и перебивать. Семинария очень бедна, учебных пособий почти не имеет и не может даже вполне обеспечивать существование своих преподавателей»².

При этом в лице приходского духовенства Победоносцев видел просветителей населения. «Если в среде этого сословия не найдется готовых народных учителей, — утверждал будущий обер-прокурор Святейшего Синода, — то едва ли можно надеяться, что какое-либо другое сословие в состоянии будет выставить надежных учителей, которые в одинаковой мере пользовались бы и доверием правительства, и народным доверием»³. Мнение Победоносцева совпадало с представлениями славянофильского окружения императрицы Марии Александровны о взглядах Александра II, который, как считала

в 1862 г. гр. А.Д. Блудова, был «твердо убежден, что в руках духовенства должно оставаться образование первоначальное»¹. Поэтому, видимо, неслучайно письмо цесаревича Николая Александровича отцу 14 июля 1863 г. о симбирском училище для крестьянских девиц, открытом удельным ведомством: «Вчера мы видели... удельную школу, приготавливающую учительниц для сельских школ удельного ведомства... Школою теперь очень довольны, отдают в нее охотно детей и говорят, что она уже принесла несомненную пользу. Всему учит священник; программа ученья самая простая, учениц теперь около 30-ти. Все очень просто и мило»².

Вероятно, во многом под влиянием Победоносцева единственным качеством, которое отмечал для себя цесаревич Николай Александрович при встречах с приходским духовенством, была образованность священников. 27 июня 1863 г. ярославский Успенский собор наследнику показывал «образованный священник» протоиерей Иоанн Троицкий; благодаря «просвещенному попечению» протоиерея Василия Смарагдова был сохранен облик храма Иоанна Предтечи. Отец Василий так заинтересовал вел. кн. Николая Александровича «объяснениями своими», что он и его спутники «незаметно остались в церкви более полутора часа»³. При этом и сам цесаревич был не прочь блеснуть образованностью. Согласно «покорнейшему репорту» протоиерея Павла Лебедева нижегородскому епископу Нектарию (Надеждину), наследник престола, побывав 10 августа 1861 г. в Михайло-Архангельском соборе, продемонстрировал экскурсоводу в священном сане, «что он и прежде имел некоторое знакомство с историею сего собора»⁴.

В поведении и проповедях духовенства великие князья ценили простоту и естественность. 23 июня 1863 г. цесаревич Николай Александрович писал матери, что рыбинский протоиерей Родион Путятин «сказал несколько простых слов, которые видимо шли от сердца». Наследнику понравилось, что этот священник «говорит

¹ Шаховской Н. Н. П. Гиляров-Платонов как инициатор церковно-приходской школы // Русское обозрение. 1896. Т. 37. Февраль. С. 572.

² ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 60 об.

³ ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 22 об., 26.

⁴ Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 558. 1861 г. Д. 207. Л. 7. Фотография этого документа воспроизведена в статье: Тихон (Затекин), архим. Путешествие его императорского высочества, наследника цесаревича Николая Александровича в Нижний Новгород в 1861 году // Нижегородская старина. 2012. Вып. 31–32. С. 67.

¹ Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. С. 90–91.

² ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 23. Выделенные курсивом слова подчеркнуты в подлиннике.

³ Письма о путешествии... С. 90.

очень хорошо, просто и понятно для всех». Гр. Строганов, по словам цесаревича, «знает его проповеди и говорит, что он вполне почтенный старик, известный и любимый народом»¹. Зато о встрече с депутатией крестьян в Костроме 15 августа 1866 г. цесаревич Александр Александрович писал в дневнике: «Несносный священник говорил, кривляясь, речь»². Это был протоиерей Николай Леандров, возглавлявший делегацию коробовских белопащцев – потомков Ивана Сусанина. Еще в 1858 г. отец Николай встречал путешествовавшую по стране императорскую чету, причем и тогда священнослужитель, по словам Тютчевой, «держал речь вычурную, с театральными жестами, заставив этих добрых людей в определенный момент пасть на колени»³. При этом император и императрица, как писал Александр II цесаревичу Николаю Александровичу 19 августа 1858 г., оказались «довольны результатом, произведенным на тамошних крестьян почтенным их священником, которого я тут же наградил Владимир[ским] крестом»⁴. По сути, император пожаловал священнослужителя орденом за противодействие уклонению коробовцев в старообрядчество⁵. Однако выходило, что тем самым Александр II одобрил жеманное поведение протоиерея, пришедшее не по вкусу цесаревичу Александру Александровичу.

Пожалуй, самым сложным было отношение великих князей к монахам. В Кирилло-Белозерском монастыре, писал цесаревич Николай Александрович матери 22 июня 1863 г., «мы были в кельях у настоятеля (Комаровский; дворянин, был в Институте путей сообщ[ения]), пили у него чай и потом смотрели ризницу... Отсюда пошли смотреть так называемый арсенал, т. е. большую залу в стене, где хранятся остатки древнего монастырского вооружения. За этим так плохо смотрят, что осталось очень немного, и то испорченное донельзя. Весьма жаль, — с горечью заключал наследник, — что в монахах нет никакого сочувствия к этим памятникам древности»⁶. Негативное отношение цесаревича Николая Александровича к монахам было обусловлено его особым вниманием к цер-

ковной старине, формировавшимся под влиянием гр. Строганова, Боголюбова, Победоносцева и др. Возмущение у наследника и его спутников вызывало не только небрежение по отношению к историческим памятникам, но и попытки их поновления. Так, отвечая архимандриту Ипатьевского монастыря, жаловавшемуся, что у него нет средств на золочение древнего иконостаса, гр. Строганов воскликнул: «Да молитесь Богу, что их никогда не было на это святотатство. Знайте, что эта гармония старого золота, окрашенная веками, составляет его драгоценность и прелесть»¹. Побывав в херсонесском Князь-Владимирском мужском монастыре вместе с цесаревичем Николаем Александровичем 15 сентября 1863 г., И. К. Бабст отметил в дневнике «варварство монашеское»², хотя и не уточнил, в чем именно оно заключалось.

Женское монашество вызывало особый интерес у наследников престола, путешествовавших по стране. «Монахинь до 550, — писал цесаревич Николай Александрович о Горицком Воскресенском монастыре в дневнике 20 июня 1863 г. — Они прячут красивых, так что мы видели старух и мало порядочных лиц из молодых»³. 22 июня наследник поделился своими наблюдениями с матерью: «В Горицах мы видели женский монастырь с 500-ми сестрами; из них пострижено около 50. Оригинально, что они прячут красивых, что мы узнали наверное от Лебедева (начальника I округа путей сообщения. — Ф. М.), который приятель их начальницы. Этих несчастных запирают и заставляют шить и вышивать самые трудные вещи и не выпускают. Мы видели только некрасивых, а так как на 500 женщин не может не прийти хоть несколько красивых, то, вероятно, оно справедливо. Извини, милая Ма, что я так заступаюсь за этих монахинь, — не без иронии заключал цесаревич, — но ведь согласишься, обидно быть в женском монастыре и видеть только некрасивых, когда есть хорошенькие»⁴.

Особую симпатию цесаревича Николая Александровича вызвала настоятельница костромского Крестовоздвиженского Анастасиина монастыря игуменья Мария (Давыдова) (1822–1889).

¹ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 85.

²ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. С. 188.

³Тютчева А. Ф. Указ. соч. С. 405.

⁴ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

⁵Зонтиков Н. А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997. С. 144–145.

⁶ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 80.

¹Боголюбов А. П. Указ. соч. С. 135.

²ОПИ ГИМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. Л. 54 об.

³ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 12 об. На Оома этот монастырь произвел «тяжелое впечатление грубостью монахинь, похожих более на переодетых мужчин» (Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. С. 64).

⁴ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 78 об. — 79.

«Съездили в женский монастырь, который произвел на меня весьма приятное впечатление, — писал цесаревич в дневнике 1 июля 1863 г. — Настоятельн[ица] здесь Давыдова, умная и образованная женщина, бывшая светская. Она не стара и сохранила следы красоты недюжинной. Профиль у нее удивительно чистый, прекрасные глаза, и вообще вся наружность очень располагает в ее пользу»¹. 4 июля Николай Александрович поделился своими впечатлениями об игуменье Марии в письме к вел. кн. Александру Александровичу. Романтический образ монахини, покинувшей мир, дополнялся тем, что она была сестрой жены «изменника» — кн. П. В. Долгорукова, который, оставив супругу и малолетнего сына, в 1859 г. эмигрировал и выступал из-за границы с острыми публицистическими заявлениями. Но это не мешало его свояченице, по мнению наследника, быть «премилою особой». «Она еще не стара и сохранила следы красоты — прелестный профиль; глаза и выражение всем очень понравились. Это самая симпатичная игуменья, которую я только видел. Она держит монахинь (их около 200) в большом порядке. Везде чисто, прилично, видно, что начальница — женщина порядочного общества... Прощаясь с милой игуменьей, я вздумал сделать романтическую невинность или наивность — подарил ей на память цветок. Когда мы садились в коляску, чтоб ехать, я вынул из кепи дикий жасмин и, отдав ей, просил сохранить на память обо мне. Не правда ли, наивно! Но она сама романична и оценила мой оригинальный поступок»². «Романичность» заключалась, вероятно, еще и в том, что решение С. Д. Давыдовой об уходе в монастырь молва связывала с ее влюбленностью в будущего Александра II. В начале XX в. эта история действительно попала на страницы дамского романа³.

Так или иначе, визит цесаревича Николая Александровича к игуменье Марии имел большое значение для восстановления сгоревшего в 1847 г. костромского Богоявленского монастыря. Поскольку наследник «выразил сочувствие восстановлению обители», игуменья Мария «представила в 1863 г. епископу Платону прошение о перемещении в Богоявленский мон[асты]рь своей обители с условием его восстановления». Уже 11 ноября 1863 г. это прошение

было удовлетворено Святейшим Синодом и был создан Богоявленско-Анастасиин монастырь¹.

Не меньший интерес вызывала игуменья Мария (а заодно и другие монахини) у цесаревича Александра Александровича. «Поехали в Богоявленский монастырь женский, — писал он 15 августа 1866 г. — Встретила нас сама настоятельница, премилая и образованная женщина, Давыдова. Пошли с нею, окруженные монашенками, в собор. Я шел рядом с Давыдовой, и впереди нас шли 2 миленькие послушницы и все время бросали цветы из корзин. Смотрели все достопримечательности и старинный собор, который сторел, а теперь отстраивается, все по милости настоятельницы. Оттуда зашли в их трапезную и к игуменье в комнаты. Угостили нас чаем, видел цветок, который подарил ей Ника. Потом зашли в кельи некоторых монахинь и послушок. Мы ходили все время в сопровождении хора монашенек. Некоторые очень недурны, и вообще монастырь сделал на нас самое приятное впечатление. Простившись с милой настоятельницей, отправились домой. Я написал депешу Папа, а потом послал карточку к Давыдовой и просил у нее ее карточку»².

Столь пространный рассказ Александра Александровича о встрече с игуменьей говорит о внимании, которое великий князь уделил этому эпизоду, и свидетельствует о том, что для него было наиболее важно увидеть в женском монастыре³. При этом знакомство с цесаревичем позволило игуменье Марии обратиться к нему через Победоносцева с просьбой взять под покровительство некоторые ее благотворительные начинания⁴, а впоследствии обеспечи-

¹ Православные монастыри Российской империи. Полный список. М., 1908. С. 331.

² ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. С. 189. Сохранилось ответное письмо игуменье Марии цесаревичу Александру Александровичу 1 сентября 1866 г., к которому некогда была приложена фотография игуменье (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 874. Л. 1–1 об.), однако эта фотография в личном фонде Александра III в ГА РФ не обнаружена.

³ Подобно старшим братьям воспринимал монахинь и 19-летний вел. кн. Алексей Александрович, писавший в дневнике 17 июля 1869 г. о посещении казанского Зилантова Успенского монастыря, что там «очень много хороших монахинь, которые всем делают глазки» (ГА РФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.).

⁴ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 14–15, 19–20. О деятельности игуменье см., в частности: Ефимушкина Е. В. Вклад костромского Богоявленско-Анастасиинского женского монастыря в развитие дела Российского общества Красного Креста // XXVII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2017. С. 317–319.

¹ ГА РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 30 об.

² ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 19–19 об.

³ Соколова А. И. Царское гадание. Исторический роман из эпохи царствования Николая I // Она же. Царский каприз. М., 1995. С. 522.

ло игуменье поддержку при появлении в печати неблагоприятных отзывов о ее деятельности¹.

Подводя итог рассмотрению восприятия духовенства великими князьями Николаем и Александром Александровичами, следует отметить, что духовное сословие представляло для них особый, отделенный от образованного общества мир, с которым царские сыновья сравнительно редко пересекались. Непосредственное, хотя и мимолетное соприкосновение с этим сословием происходило во время путешествий царевичей по стране. В целом на восприятие духовенства великими князьями влияли социальные стереотипы, а также личные симпатии царских сыновей. Особое значение для великих князей имело светское происхождение того или иного духовного лица либо его владение светскими манерами. В таком случае старшие сыновья Александра II легче находили общий язык с представителями духовенства. С почтением относясь к архиереям, мало понимая проблемы приходских клириков, недоверчиво глядя на «невежественных» монахов, великие князья Николай и Александр Александровичи питали специфический интерес к женскому монашеству, являющийся ярким штрихом к характеристике их отношения к религии и духовному сословию в целом.

*Fedor Melentev,
Candidate of Sciences in History
Chief Specialist
State Archive of the Russian Federation
fm91@mail.ru*

ORTHODOX CLERGY IN THE PERCEPTION OF THE GRAND DUKES NICHOLAS ALEXANDROVICH AND ALEXANDER ALEXANDROVICH

F. Melentev

The article deals with the views of Alexander II's elder sons on the Orthodox clergy in the Era of Great Reforms in Russia. Grand Dukes Nicholas Alexandrovich and Alexander Alexandrovich were the respective heirs to the throne in 1855–1865 and 1865–1881, therefore the formation of their attitude

¹Разумеваюшие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб., 2011. С. 15, 169–170.

towards their future vassals was particularly important. The referential base of the article is presented with the Grand Dukes' letters and diaries dating back to 1861, 1863 and 1866 while they were taking trips about the country; the new impressions were crying out to be written, and the separation from the family became the reason for correspondence. In comparison with the blissful, semi-official descriptions of the august journeys, personal materials allow us to gain insight into the heirs' personal sentiments. The article briefly covers the way the young Grand Dukes approached religiosity and reveals the influence put on by Emperor Nicholas I and Empress Maria Alexandrovna on the process. The Grand Dukes met the high clergy, in particular Metropolitan Philaret (Drozdov) and Bishop Ignatius (Bryanchaninov); in general, their attitude towards clergymen was full of respect. Constantin Pobedonostsev drew the princes' attention to the difficult situation of parish clerics, but his former disciples had a vague idea of the problems of the white clergy. The Grand Dukes had the most complicated attitude towards the monks inattentive to the monuments of church antiquity. However, they had a special interest in female monasticism. The contradictory attitude of the heirs towards the Orthodox clergy allows us to draw conclusions about their piety and religiosity.

Keywords: Saint Philaret (Drozdov), Saint Ignatius (Bryanchaninov), Alexander III, Tsesarevich Nicholas Alexandrovich (1843–1865), Constantin Pobedonostsev, abbess Maria (Davydova).

Список литературы

- Боголюбов А. П. Записки моряка-художника. Самара, 2006.
Ефимушкина Е. В. Вклад костромского Богоявленско-Анастасиинского женского монастыря в развитие дела Российского общества Красного Креста // XXVII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2017. С. 317–319.
Зонтиков Н. А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997.
Игнатий (Брянчанинов), свт. Будущее России в руках Божественного Промысла. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1998.
Игнатий (Брянчанинов), свт. Полн. собр. писем: в 3 т. М., 2011. Т. 1.
Император Александр III и императрица Мария Федоровна: Переписка. 1884–1894 годы. М., 2007.
Карпук Д. А. Архиепископ Нил (Исакович) (1799–1874): Геолог, минералог, палеонтолог и богослов. СПб., 2016.
Мелентьев Ф. И. Рукописные мемуары князя В.П. Мещерского о цесаревиче Николае Александровиче (1843–1865): очерк или воспоминания? // Карамзинские чтения. СПб., 2018. Вып. 2. С. 163–170.
Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011.

- «Мы сейчас же поехали к Иверской Божией Матери». Записки великого князя Александра Александровича // Источник. 1996. № 3. С. 4–11.
- Ореханов Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М., 2010.
- Разумевающие верой. Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887). СПб., 2011.
- Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.
- Святитель Филарет (Дроздов): Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003.
- Тихон (Затекин), архим. Путешествие его императорского высочества, наследника цесаревича Николая Александровича в Нижний Новгород в 1861 году // Нижегородская старина. 2012. Вып. 31–32. С. 54–69.
- Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров: Дневник. М., 2016.
- Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин // Церковь и время. 2010. № 3. С. 151–192.

*Ефимов Андрей Борисович,
д-р физ.-мат. наук, профессор,
зав.кафедрой миссиологии ПСТГУ
missioner2017pstgu@gmail.com*

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

А. Б. Ефимов

Великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета были самыми близкими императору Николаю в течение многих лет. Они были необходимы Николаю, еще неопытному в государственных делах и слишком доброму, чтобы крепко держать бразды правления в неспокойное, смутное время.

Елизавета Федоровна душевно и духовно опекала семью государя до марта 1917 г. После гибели Сергея Александровича Елизавета Федоровна в Москве, Петербурге в своих поездках стремилась укреплять духовные связи святых мест и народа с престолом. Народ и духовенство воспринимали ее как посланницу и представителя самого государя. Елизавета Федоровна (Великая матушка), известная всей России своими делами милосердия, и государь почти одновременно завершают свой путь служения мученической кончиной, отдавая жизнь за грехи своего народа. Целью работы является исследование взаимного влияния Елизаветы Федоровны и Николая II на служение императора и общественное, государственное и миссионерское служение Елизаветы Федоровны.

Работа основана на архивных и опубликованных источниках того времени, собранных различными авторами. В работе установлено существенное взаимное влияние на служение этих двух великих личностей.

Ключевые слова: великая княгиня, император, Церковь, самодержавие, мученическая кончина, милосердие, вера, нравственность, смутное время, Марфо-Мариинская обитель.

Великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета были самыми близкими императору Николаю в течение многих лет.

Последний российский император, великий князь и великая княгиня совершают путь служения Церкви, самодержавию и отечеству до своей мученической кончины, отдавая жизнь за грехи своего народа.

Преподобномученица Елизавета особенно дорога нам; она явила пример совершенной сострадательной любви и помогает в наше смутное время восстановить утерянный идеал святости и веру в Господа, «возлюбившего меня и предавшего Себя за меня».

Елизавета Федоровна родилась и выросла в протестантской немецкой семье великого герцога Гессенского. Гессенский род был хранителем традиций веры, нравственности и милосердия. В роду почиталась Елизавета Тюрингенская, средневековая родственница и святая. Наибольшее влияние на формирование личности Елизаветы оказала мать, дочь английской королевы Виктории, а после ее смерти бабушка королева Виктория.

Двадцати лет Елизавета становится женой Сергея Александровича Романова, младшего брата императора Александра III.

Невесту Сергея Александровича встречал весь Петербург и царская семья, когда с Николаевского вокзала в золоченой карете Екатерины II она ехала до дворца, сопровождаемая военным эскортом и великими князьями¹.

Жизнь Елизаветы Федоровны в России была постепенным восхождением к новым, все более глубоким и совершенным формам служения Богу и людям. Первые петербургские годы (1884–1890) были наполнены радостями светской культурной жизни и постепенным входением в проблемы царской семьи и великосветского общества. С принятием православия в 1890 г. сразу же начинается

¹ Ковальская Е. Ю. Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II: К истории взаимоотношений // Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II: Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 19–42.